

4. См. об этом: Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. №7. С. 37.
- Васильчук Ю. А. Социальные функции денег // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №2. С. 5–22.
5. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1999.
7. Василенко А. Б. ПИАР крупных российских корпораций. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Р. Л. Лившиц
г. Комсомольск-на-Амуре

ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУКИ И АНГАЖИРОВАННОСТЬ УЧЕНОГО

Два раза в год у меня бывают периоды сомнений и тягостных раздумий. Они случаются во время очередной подписной кампании. Стоит ли сохранять подписку в том же объеме или сократить количество выписываемых журналов и книг? В пользу первого решения говорит естественный консерватизм привычки. Ну как отказаться от журнала «Вопросы философии», который я выписываю с 1968 года? Или от журнала «Общественные науки и современность»? Его я выписываю и читаю вот уже пятнадцать лет, почти с момента основания. Да, но ведь надо же соотносить привычки с возможностями их удовлетворения! Когда пад Россией взошла заря демократии, от многих привычек и обычаев тоталитарных времен пришлось отказаться. Оказалось, например, что правило, предписывающее преподавателю вуза раз в пять лет проходить полугодовое повышение квалификации в ИПК, нельзя воспринимать как догму. От такой роскоши благоразумней всего отказаться. Аргумент «от кошелька» явно не в пользу того, чтобы сохранить подписку в прежнем объеме, и год от года, в связи с непрерывным ростом цен на журналы и газеты, этот аргумент становится все более весомым. Но дело не только в материальных тратах, вопрос заключается еще и в том, что чтение многих современных журналов — занятие не из самых приятных. Очевидна их идеологическая заданность, их вполне отчетливо выраженная партийность. В особенности это касается журнала «Общественные науки и современность». Чтобы не ходить далеко за примерами, возьму с полки последний из поступивших номеров — шестой номер за 2003 год. Читаю на обложке «Десятилетие российской Конституции». Понятно, нам будет рассказано о том, как конституция 1993 года помогла сохранить мир и стабильность в российском обществе.

Что же, проверим гипотезу. Теме конституции посвящено две статьи. Первая написана известным поборником демократических ценностей В. Л. Шейнисом. Она имеет заголовок «Состязание проектов (к истории создания российской Конституции)». Когда читаешь такого рода заголовки, просто оторопь берет. За кого, интересно, принимает нас автор? Кем считает своих читателей редакция? Неужели они всерьез полагают, будто мы не ведаем, что конституция 1993 года вовсе не была результатом «состязания проектов»? Зачем нам рассказывать о «состязании проектов», если нынешняя конституция была навязана народу грубой силой? О состязании можно было бы говорить только в том случае, если бы народу (или его полномочным представителям) был предложен выбор из нескольких вариантов проекта Основного закона. Бесмысленно вести речь о состязании и на этапе подготовки, ибо все остальные варианты проекта команда Ельцина безо всяких церемоний отбросила. Но вопрос о процедуре принятия конституции все-таки не главный. Естественно было бы ожидать, что В. Л. Шейнис как человек, непосредственно причастный к организации и осуществлению свержения советской власти и реализации анти-советского проекта, поведает читателю о том, как соотносится замысел и его воплощение. Расскажет о том, как в результате уничтожения «бесчеловечной тоталитарной системы» улучшилась жизнь народа, как возросло благосостояние широких народных масс, увеличилась средняя продолжительность жизни, повысилась рождаемость, упал уровень преступности и т. д. и т. п. Читателю было интересно узнать, насколько эффективно работает система разделения властей, о том, как процвел политический и идеологический плюрализм. И что же? Словоохотливый, когда дело касается малосущественных и никому теперь уже не интересных деталей «состязания проектов», В. Л. Шейнис вдруг становится необычайно застенчив. Все, что он пожелал сказать по самому важному вопросу, уместилось в один небольшой абзац. Пр процитирую его полностью: «Мы живем, утверждают критики, принадлежащие к самым различным, подчас противоположным политическим направлениям, в условиях абсолютно недемократической, более чем монархической Конституции. Самое малое, что можно сказать в ответ, сводится к следующему. Хорош или плох, сбалансирован или перекошен был проект, проходивший свой тяжкий путь в официальных структурах Съезда народных депутатов, в политической ситуации, сложившейся в начале 1990-х годов, у него, как у других, не было никакой перспективы на утверждение. А раз так, то выбор был следующий: оставаться на неопределенный срок со старой

Конституцией, гениерировавшей политический кризис, либо вводить новую путем, легитимность которого была сомнительной. И в этом (втором) случае — еще один выбор. Между жестким «президентским» проектом в первоизданном виде, который мог быть «продавлен» силой президентской власти, и тем существенно преобразованным вариантом, который вышел из стен Конституционного совещания. Какие бы претензии к порядку его формирования и работе ни предъявлялись, сыграло оно роль поистине историческую. Но это предмет особого разговора» (С. 19—20). Итак, из заключительных слов В. Л. Шейниса мы узнаем, что некоторые критики считают Конституцию 1993 года абсолютно недемократической и более чем монархической. Сказать по совести, нечто подобное мы подозревали и до того, как ознакомились со статьей видного демократа. Какова его собственная позиция — вот что нам интересно было бы узнать. Относится он сам к числу «некоторых критиков» или же вполне удовлетворен состоянием демократии в современной России. Но сомкнуты уста витии. Не дает ответа...

Вместе с тем кое-какие ценные признания в цитированном пассаже содержатся. Из него мы узнаем, что демократия в стране была введена «путем, легитимность которого была сомнительной». И что довели ситуацию до такого состояния как раз те поборники демократии, которые вознамерились принудительно осчастливить народ, не подозревавший о том, сколь тяжело он страдает под свинцовым гнетом тоталитаризма. У «некоторых критиков» может возникнуть совершенно крамольная мысль: что это за демократия такая, которую надо было вводить в действие посредством танковых орудий? И могло ли из такой демократии вырасти что-либо путное? Нет ли закономерной связи между способом, с помощью которого Россия была демократизирована, и фактически сформировавшимся к настоящему времени президентским самодержавием? Но и этими вопросами автор мудро не задается. Зато мы узнаем из статьи нечто совершенно неожиданное, полностью противоречащее всему ее содержанию. Оказывается, Конституционное совещание сыграло «историческую роль». Вот это ново! Нам только что было поведано, что проект КС был отброшен как клочок бумаги. О какой же «исторической роли» в таком случае можно вести речь? Мало ли каких прожектов не рождалось в воспаленном воображении утопистов, как зарубежных, так и отечественных?

Итак, автор первой статьи от вопроса о соответствии замысла «демократов» и результатов их правления *уходит*. Вопрос суще-

ственный, принципиальный он подменяет вопросами мелкими, незначительными, представляющими, по правде говоря, интерес сугубо академический. Наша гипотеза не подтвердилась. Но она и не опровергнута, потому что фактически вся статья именитого автора — лукавая попытка оправдать себя перед судом истории, попытка задним числом обелить себя и своих соучастников. Автор вроде бы отметил, высказался на актуальную тему, но самые главные, принципиальные, фундаментальные вопросы обошел.

Что ж посмотрим, что написано в статье С. А. Филатова. Названа она очень многообещающе: «Что значит для России Конституция 1993 года?» Прямо в первом абзаце написано: «...В 1993 году — в период фактической революции именно Конституция должна была закрепить новое государственное устройство страны, чтобы прекратить споры и противостояние политических сил и ветвей власти. И эту задачу Конституция в основном выполнила, благодаря чему страна десять лет живет в стабильной обстановке» (С. 21). Как замечательно сказано: «страна десять лет живет в стабильной обстановке»! Вакханалия ваучеризации, позволившая кучке воров разграбить достояние народа, созидавшееся трудами нескольких поколений советских людей, прошла в обстановке полной стабильности. Чудовищная инфляция, обратившая в пыль сбережения населения, — одно из наиболее очевидных проявлений стабильности. А какой полной мерой вкусили граждане свободной демократической России плоды стабильности в августе 1998 года! Из Чечни стабильно поступает «груз 200». И при «отце российской демократии» Б. Н. Ельцине, и при патриоте из патриотов В. В. Путине. Рождаемость стабильно сверхнизкая, смертность стабильно сверхвысокая. Нет, все-таки умеет С. А. Филатов сказать так, что словам — тесно, а мыслям — просторно. Дальше можно не читать, гипотеза наша полностью подтвердилась.

Впрочем, тот, кто питает слабость к жанру панегирика, может потратить еще 15 минут на чтение текста С. А. Филатова. Тот же, кто ищет в *научном* журнале *научных* материалов, пусть побережет свое время для чего-нибудь менее рептильного.

Редакция журнала заказала статьи к 10-летию Конституции 1993 года только двум авторам: демократу первой волны В. Л. Шейнису и человеку без убеждений, имеющему репутацию верного слуги всех режимов, С. А. Филатову. Ни одному из «некоторых критиков» слова не дано. Ни автору коммунистического проекта Конституции Юрию Слободкину, ни самому критически настроенному из всех самых критичных критиков Г. А. Явлинскому. А как же плюрализм мнений? А как быть с девизом «я не

согласен с вашим мнением, но готов умереть за то, чтобы вы имели право его высказать»? Что-то не видно у редактора журнала В. В. Согрина большого желания умирать за право выступать в журнале всем тем, кто не разделяет его глубоких демократических убеждений. В сущности, журнал этот, хоть он и именуется научным, хоть и написан вроде бы научным языком, отношения к науке не имеет. В нем под видом науки преподносится *чистая идеология*. Когда его читаешь, поневоле всплывают в памяти слова К. Маркса о «предвзятой угодливой апологетике». Можно, конечно, почерпнуть что-то полезное для себя и в *таких* текстах. Некий петух, помнится, исхитрился отыскать жемчужное зерно в навозной куче. А тут — не куча, а хорошо оформленный, отпечатанный на отличной бумаге журнал. Возникает, однако, вопрос об эффективности затрат. Стоит ли тратить полторы сотни рублей за номер, до предела напичканный самым примитивным агитпропом, закамуфлированным под научный текст?

Слышу голос придиричливого критика: «Ты хочешь от общественной науки слишком многого. Еще Т. Гоббс сказал, что “если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то... учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии”»¹ Не веришь Гоббсу, обратись к Ленину. Не он ли писал, что «... “беспристрастной” социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»². Отвечу своему критику так: «Нет, в обществе наемного рабства, которое возникло в России в результате контрреволюции 1987—1993 гг., я беспристрастной науки вовсе не ожидаю. И поэтому я не намерен ставить в вину ни В. Л. Шейнису, ни С. А. Филатову, ни даже В. В. Согрину их очевидной, бьющей в глаза ангажированности. Любой человек, берущий на себя смелость рассуждать о социальных материях, неизбежно ангажирован, сознает он этот факт или нет, правится это ему или не очень. Возможно, когда осуществится мечта Циолковского о возникновении человека-животного, способного усваивать энергию прямо из солнечного света, тогда появится и обществовед, коего взгляды совершенно независимы от социальных интересов. Ну а пока мы остаемся просто людьми, мы вынуждены питаться обычной земной пищей, содержащей, как известно, жиры белки и углеводы. Весьма желательно к тому

же, чтобы питание было трехразовым и сбалансированным по основным компонентам. Все это осуществимо, если есть деньги. А их надо заработать. Таким образом, каждый человек вовлечен в систему социальных связей просто в силу того фундаментального факта, что он — существо, обладающее телесностью. Вырваться из этих связей невозможно, стало быть, невозможно и встать над схваткой. К этому имеет смысл добавить, что любой человек вовлечен в социальные отношения и потому, что он является посетителем определенной культуры, определенного мировидения. Итак, повторяю, я ничуть не в претензии к названным авторам за то, что они стоят на вполне определенной идеологической платформе. Иначе просто быть не может. Я обвиняю их в том, что они «играют не по правилам», т. е. в том, что они под видом науки преподносят читателям голую пропаганду».

— Ну, а в чем ты усматриваешь различие между наукой и пропагандой? — задает мне вопрос мой въедливый оппонент.

— Попробую ответить. Главное различие заключается, на мой взгляд, в генеральной цели деятельности. Основные функции науки — описание, объяснение, предсказание. Главная задача пропаганды — внушение. Пропагандисту, конечно, весьма полезно иметь в голове какое-то целостное представление о проблеме, которую он под определенным углом зрения намерен преподнести аудитории, но в принципе это не так уж обязательно. Пропагандист стремится к тому, чтобы его читатели (слушатели) *поверили* в определенные утверждения. Если для достижения такого эффекта нужны какие-то рациональные аргументы, он их использует; если цели можно достичь иным способом (например, запугиванием, обещанием какого-то блага, апелляцией к предрассудкам и мифам и т. д.), пропагандист прибегает к ним. Как говаривал П. Фейерабенд, *anything goes*. Истина для пропагандиста — ценность инструментальная. Он пользуется ею лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения желаемого результата. Поэтому все факты, которые не укладываются в пропагандистский канон, игнорируются, а остальные трактуются в выгодном для указанного канона свете.

В естествознании ученый может себе позволить роскошь беспристрастности, поскольку изучаемый предмет не затрагивает ничьих интересов. Энтомолог, описывающий определенный вид насекомых, не вступает в конфликт с правящими классами; впрочем, у него нет и возможности лизнуть властвующую длань. Такой ученый в наибольшей степени приближается к идеалу свободного исследователя, предающемуся размышлениям в башне из слоновой

кости. Но только приближается, слиться же с ним не дано даже тем ученым, которые занимаются наиболее удаленными от практических пужд вопросами. Дело тут заключается в том, что ученый не является одиночкой, он включен в научное сообщество, т. е. довольно сложную социальную систему, которая существует и развивается по своим собственным законам. Таковы они, как их описал Т. Куп в своем классическом труде «Структура научных революций», или нет — вопрос в данном случае несущественный. Важно зафиксировать два бесспорных утверждения: 1) ученый творит в русле определенной традиции, школы, концепции, доктрины и 2) это обстоятельство налагает на него определенные обязательства. Последние могут и не осознаваться, что, впрочем, не имеет никакого значения. Ученый видит свой предмет через определенные теоретические очки — вот что существенно. Иначе говоря, в любом научном исследовании — даже том, которое не затрагивает социально-классовых интересов, — существует определенная субъективная установка исследователя, его заинтересованность в получении именно такого, а не иного результата.

Победа русской контрреволюции 1987—1993 гг. породила в духовной сфере массовые попытки ниспровергнуть истины, которые в прежние времена считались абсолютно неизменными. Сохранять веру в них стало крайне немодно и рискованно для репутации. Мы очутились в каком-то выморочном мире обесцененных ценностей, где «ни церковь, ни кабак — ничего не свято». Стоит в этом мире заявить, что правы были и Моисей, и Будда, провозглашавшие заповедь «не прелюбодействуй», как вмиг тебя припечатывают клеймом ретрограда. А попробуй сказать, что однополая любовь — гадость и мерзость, достойная презрения и вызывающая у нормального человека отвращение! Да за такие слова наша радеющая об общечеловеческих ценностях интеллигентская публика размажет тебя по стенке. Разумеется, со всей толерантностью, на которую эта стая способна.

Самое трудное в жизни — быть самим собой. Сохранить независимость суждений. Не впадать в эйфорию, когда все вокруг охвачено восторгом. Не поддаваться соблазну отречения от старого мира. Не утратить способности видеть белое белым, даже если самые крупные авторитеты будут уверять, что перед тобой — чернота. Не потерять веру в элементарные истины. Одной из таких истин является следующая: отличие науки от других форм духовного освоения действительности заключается в ее нацеленности на получение объективно-истинного знания. Можно, конечно, демонстрировать, как это делает, например, П. Фейерабенд, нали-

чие элементов «агитации и пропаганды» в науке, можно показывать, что всякий конкретный научный результат несет на себе неизгладимую печать субъективности ученого и т. п., но никуда не деться от признания того факта, что стремление к объективному знанию — *differentia specifica* науки. Конечно, само по себе понятие объективности знания не является совершенно простым; если бы дело обстояло иначе, для постижения истины достаточно было бы здравого смысла, никаких усилий теоретического разума не потребовалось бы. Но при любом истолковании понятия объективности (не порывающего, конечно, с мировой традицией) в «сухом остатке» рассуждений будет противопоставление объективного как чего-то такого, что, во-первых, свойственно объекту, а не познающему его субъекту, а, во-вторых, от субъекта не зависит. Свет *действительно* распространяется с конечной скоростью; Антарктида *на самом деле* покрыта ледником. А соотношения между количественными характеристиками вещей, зафиксированные в таблице умножения, присущи *самим* вещам. Если бы дело обстояло иначе, результат зависел бы от воли и желания субъекта. В таком гипотетическом случае продавец товара, умножая количество штук на цену, получал бы цифру заведомо большую, чем покупатель. А покупатель, соответственно, обязательно меньшую, чем продавец. Но это повлекло бы полное прекращение торговли и неизбежный распад социальной ткани. В мире вменяемых людей ничего подобного не происходит именно по той причине, что вещи заставляют их считаться со своими свойствами.

Потребность в знании объективных взаимосвязей коренится в самой природе человеческой деятельности. Животному вполне достаточно знать, каковы свойства вещей в их отношении к его организму. Например, медведю из опыта известно, что ягоды черемухи Маака (есть такая, растет в дальневосточной тайге) съедобны и вкусны. Чтобы их добыть, он ломает деревья, используя свою массу и мускульную силу. (Результаты такой «работы» выглядят, кстати, весьма впечатляюще: на протяжении нескольких километров все деревья, толщина которых составляет обычно сантиметров 15—20 и даже больше, стоят сломанные. Зрелище незабываемое.) Человеку же необходимо знание того, каковы свойства дерева по отношению к другим вещам. Он берет в руки палку и сбивает ею плоды. Он обрабатывает вещи из дерева, создавая из них либо предметы потребления (например, жилище), либо орудия труда. Каменный топор с деревянной ручкой не мог бы быть изготовлен, если бы человек не знал свойств, которые проявляет дерево в отношении к камню. Вот это свойство вещей, что обнару-

живает себя в их взаимодействии, и есть *объективное* свойство, т. е. свойство, существующее *действительно, на самом деле*. Человек выработал в себе способность выявлять такие свойства и использовать их в своих целях. Но сами эти свойства существуют до человека, независимо от человека и помимо человека.

Обрабатывая предметы природы в соответствии с их объективными свойствами, человек приобретал определенные познания. Это были познания на уровне эмпирии, но и они уже содержали в себе потребность в обобщении и возможность обобщения. Так, человек каменного века, разыскивая в каменных россыпях что-нибудь такое, что пригодно для превращения в каменный топор, останавливал свое внимание на камнях, которые по размерам и форме более или менее подходили для поставленной цели, т. е. могли быть превращены в топор при минимальных затратах времени и сил. Тем самым в его сознании происходила работа генерализации, формирования обобщенного образа подходящей заготовки. Эмпирическая генерализация — даже самая примитивная — это уже шаг в направлении познания сущности. Логика процесса влечет человека к раскрытию общих принципов устройства вещей, к поиску порядка в хаосе, устойчивого в текучем, одинакового в многообразном, закономерного в случайном. Именно на стреме этого течения и формируется наука как деятельность по раскрытию сущности вещей. Бесспорно, что наука не вырастает непосредственно из познавательной деятельности, связанной с производственной деятельностью человека. Но верен и тезис о том, что научное познание и познание стихийно-эмпирическое принадлежат к одной родовой сущности. В обоих видах познания выявляются объективные свойства вещей. Различие между донаучным познанием и наукой состоит не в гносеологическом статусе добываемого знания, а в его, так сказать, качестве. В одном случае знание носит поверхностный, а во втором — сущностный характер. Дело принципиально не меняется от того, что глубина постижения реальности увеличивается по мере технического и интеллектуального прогресса субъекта. На определенном этапе развития научного познания возникает так называемая стандартная концепция научного познания, суть которой состоит в утверждении принципиальной возможности полностью устранить элемент субъективности из наших представлений о предмете³. Как справедливо замечает Л. А. Микешина, эта концепция «в значительной мере покоится на предпосылках созерцательного материализма»⁴. Созерцательный материализм преодолевается материализмом диалектическим, но это преодоление заключается не в отбрасывании, а в дальнейшем раз-

витии, в диалектическом снятии. Марксистский материализм сохраняет идущее от прежнего материализма представление о том, что мы познаем сам мир, а не наши представления о нем, но понимает этот тезис иначе, с учетом реальной сложности процесса познания. Л. А. Микешина, которая в 1990 году в своих трудах стояла на последовательно марксистских позициях, характеризует марксистскую концепцию так: «...научное познание уже понимается как активно-деятельное отражение объективного мира, детерминированное в своем развитии не только особенностями объекта, но также и исторически сложившимися предпосылками и средствами; как процесс, ориентированный мировоззренческими структурами и ценностями, лежащими в фундаменте исторически определенной культуры»⁵. Иначе говоря, теперь мы понимаем, что наше представление о предмете является конкретно-историческим, что оно с течением времени неизбежно меняется (если брать генеральную тенденцию) и углубляется.

Преодоление созерцательности состоит не только в том, что в понимание процесса познания вводится историческая координата. Преодоление созерцательности означает также и такую трактовку познания, когда оно рассматривается не в качестве самодовлеющей деятельности, а как момент практического преобразования мира. Принцип связи познания с практикой дает возможность понять, какой именно смысл вкладывается в утверждение, что свет действительно имеет конечную скорость, а Антарктида действительно (на самом деле) покрыта ледником. Каждое из этих утверждений удостоверяется практикой, причем таким образом, что всякие сомнения в том, что они есть порождение чьего-то незнания, недомыслия, субъективного хотения или, наоборот, нежелания, для человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, совершенно невозможны.

Меняется что-либо в том случае, когда предметом познания становится не природа, а общество? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо констатировать тот факт, что в самой социальной реальности есть, с интересующей нас точки зрения, два пласта. Первый пласт — те элементы и аспекты социальной жизни, которые обладают «природоподобной» материальностью. В этой связи уместно напомнить о том тривиальном факте, что человек — существо живое, телесное. В этом своем качестве он целиком и полностью подчиняется законам живого: рождается, дышит, удовлетворяет жажду, питается, воспроизводит себе подобных и умирает. Эта сторона бытия человека может быть зафиксирована и описана в принципе таким же образом, каким в биологии фиксиру-

ются и описываются факты, относящиеся к жизни, например, посорогов или слонов. Статистически значимые совокупности фактов, относящиеся к бытию человека как телесного существа, составляют эмпирический базис демографии. «Природоподобной» материальностью обладает вся искусственная среда, которая создана человеком за многие тысячелетия социальной эволюции. В качестве предмета познания она принципиально не отличается от среды, не затронутой преобразовательной деятельностью человека. Вопрос об ангажированности исследователя, изучающего «природобные» аспекты социального бытия, решается таким же образом, как и вопрос об ангажированности биолога, химика, физика, астронома и т. п. Описывая динамику демографических показателей, демограф не более ангажирован, чем, например, этолог. Но, переходя к интерпретации этих данных, демограф не может сохранить ту же дистанцию между собой и объектом, какую безо всякого специального усилия держит этолог. Это обстоятельство связано с его реальной вовлеченностью в идейную, политическую, социально-классовую, в конечном счете, борьбу.

«Природоподобная» реальность выступает в социуме в качестве предпосылки и условия существования иной по типу реальности, специфичной для социальной жизни. Ее сущность глубоко раскрыта К. Марксом прежде всего в «Капитале». Анализируя категорию товара, великий мыслитель писал: «Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы вещество природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом, — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь»⁶. Объективность «чувственной вещи», созданной человеком, ничем не отличается от объективности природного объекта, не затронутого человеческой деятельностью. Отсюда следует, что «природоподобная» реальность, взятая как предмет познания, ничем не отличается от реальности природной. Обществовед познает ее точно так же, как естествоиспытатель изучает законы движения и развития материальных объектов. Абстрагируясь от «сверхчувственной» реальности, мы должны признать полное тождество социально-гуманитарных и естественных наук в интересующем нас отношении. Гуманитарий здесь не более ангажирован, чем ученый, постигающий тайны природы.

Совершенно ясно, что такое абстрагирование допустимо лишь в очень узких пределах. Специфику общества как системы составляет иная реальность — та, которая названа К. Марксом сверх-

чувственной. Так, арбуз как предмет природы обладает определенными объективными характеристиками. Он имеет массу, консистенцию, химический состав, занимает определенный объем в пространстве и т. п. Но определенность арбуза как товара, обладающего некоторой меновой стоимостью, не может быть уловлена в терминах физики, химии или биологии. Это уже определенность *экономическая*, т. е. определенность социальных отношений. В чувствах она непосредственно не дана, хотя факт ее существования ни для кого не составляет секрета. Она-то как раз и обуславливает ту специфичность социального познания, которая столь ярко, с классической ясностью, охарактеризовали Гоббс и Ленин.

В западноевропейской философии наиболее известные попытки анализа проблемы объективности социального познания приняты Г. Риккертом и М. Вебером.

Г. Риккерт пытался решить эту проблему, опираясь на принципы капианства. Рассматривая соотношение естествознания и общественных наук (в его терминологии «науки о природе» и «науке о культуре»), он пришел к выводу, что в случае общественных наук «мы встречаемся с объективностью совершенно особого рода, которая, по-видимому, не сумеет выдержать сравнения с объективностью генерализующего естествознания»⁷. Говоря иными словами, в науках о культуре возможно получение объективного знания, но это объективность второго сорта. Смысл этого различия становится более понятен, когда мы проанализируем другие высказывания Г. Риккерта. «Историческому изложению, отличающему существенное от несущественного, — заявляет немецкий философ, — присущ характер, заставляющий сомневаться в том, следует ли к нему вообще применять определение истинности»⁸. Как видим, автор не отказывает в праве считаться истинным (а это то же самое, что объективным) такое знание об обществе, в котором факты излагаются «как они есть», без попытки их обобщения. Но знание, в котором существенное отделено от несущественного, т. е. знание обобщенное, рассматривается им как знание не вполне доброкачественное. Тенденция автора становится еще более понятной, когда мы посмотрим, кого и за что он критикует. Объектом его эскапад является, естественно, марксизм, точнее говоря, исторический материализм. Прочитаем соответствующие высказывания. Г. Риккерт пишет: «Так пазываемое материалистическое понимание истории <...> в большей части зависит от специфических социал-демократических стремлений»⁹. И далее: «Это уже не эмпирическая историческая наука, пользующаяся методом отнесения к ценности, но насильственно и некритически сконстру-

ированная философия истории»¹⁰. Сама фраза построена таким образом, что может сложиться впечатление, будто исторический материализм отвергается Риккертом как *плохая* философия истории. Однако дальнейшее ознакомление с текстом заставляет отказаться от такого толкования его слов. С точки зрения Г. Риккерта, любая философия истории притязает на слишком многое — на то, чтобы постигнуть смысл событий, т. е. любая философия истории *плоха*. «Исторический материализм, — пишет известный неокантианец, — как и всякая философия истории, основывается на определенных ценностях»¹¹. Отсюда следует, что «его высмеивание идеализма сводится к замене старых идеалов новыми, а не к устранению «идеалов» вообще»¹². Таким образом, обществознание, с точки зрения Г. Риккерта, только в том случае имело бы статус «настоящей» науки, если бы отрешилось от идеалов, т. е. если бы из него была изгнана ангажированность ученого. Г. Риккерт не объяснил в своем труде, как это осуществить практически. Таким образом, он не разрешил дилемму ангажированности и объективности социального познания, а просто пожертвовал одной частью оппозиции ради спасения другой. Для обществоведа, который воспринял бы решение Г. Риккерта всерьез, вопрос встал бы таким образом: либо ты копишь факты и фактики и тогда, следовательно, добываешь объективное знание и потому имеешь право называться ученым, либо исповедуешь какие-то идеалы, и тогда ты не ученый, а что-то вроде художника; художник же претендовать на объективную ценность полученных результатов не вправе. Максимум, на что может художник рассчитывать, — на субъективную убедительность созданного им изображения.

Именно в духе предложенного Г. Риккертом решения и развивается позитивистски ориентированное обществознание, позиции которого наиболее сильны в эмпирической социологии.

Иное решение было предложено М. Вебером — мыслителем, менее склонным к абстрактному теоретизированию и лучше чувствующим биение пульса реальной жизни. Внешним поводом для размышлений об объективности общественных наук стало для М. Вебера создание нового научного журнала. «Архив социальных наук и социальной политики»¹³, членом редакции которого М. Вебер с 1904 года являлся. Определяя статус журнала, М. Вебер пишет: «“Архив” с самого начала стремился быть чисто научным журналом, пользующимся только средствами *научного* исследования»¹⁴. Но чем *средства* научного исследования отличаются от таких средств, которые к науке отношения не имеют? Отвечая на этот вопрос, М. Вебер отталкивается от очевидного различия двух

уровней научного познания: теоретического и эмпирического. Что касается эмпирической науки, то ее «задачей <...> не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической деятельности»¹⁶. Продолжая свою мысль, выдающийся немецкий мыслитель заявляет: «Это не означает, что оценочные суждения вообще *не должны присутствовать* в научной дискуссии, поскольку в конечном счете они основаны на определенных идеалах и поэтому «субъективны» по своим истокам»¹⁷. Как видим, М. Вебер не считает возможным резко противопоставить эмпирию и теорию в социальном познании. И эмпирия не свободна от влияния теоретических установок (идеалов), и сами идеалы не совершенно субъективны. Они субъективны по истокам, да, но это вовсе не означает, что они произвольны. «Научное рассмотрение оценочных суждений, — пишет М. Вебер, — состоит не только в том, чтобы способствовать пониманию и сопереживанию поставленных целей и лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них»¹⁸. Но что такое критика? Познавательная процедура, возможная лишь в том случае, когда ее объект рассматривается как нечто доступное рациональному постижению. Так, в рамках теологии догматы религии не могут быть предметом критики, они являются лишь предметом толкования. Критика догматов возможна только извне. Критика, далее, предполагает сопоставление утверждений (в том числе и оценочных) с некоторыми другими утверждениями по правилам логики, которые являются одинаковыми для всех. «Методически корректная научная аргументация в области социальных наук <...> должна быть признанной правильной и китайцем»¹⁹, — так формулирует свое понимание вопроса М. Вебер. При этом он не отвергает права исследователя на ангажированность, более того, предписывает следовать определенному идеалу, т. е. быть ангажированным. «Постоянное смещение научного толкования фактов и оценивающих размышлений остается, правда, самой распространенной, но и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки. Все сказанное здесь направлено против такого смещения, но отнюдь не против верности идеалам. Отсутствие убеждений и научная «объективность» отнюдь не родственны друг другу»²⁰. М. Вебер выступает решительным противником эклектики: «Средняя линия ни йоту не ближе к научной истине, чем идеалы самых крайних правых или левых партий»²¹.

Таким образом, М. Веберу удается сохранять обе стороны оппозиции «ангажированность — объективность», не жертвуя одним ради другого. Ученый обретает право на истину не только в том,

что касается описания фактов, но и в создании теорий высокого уровня обобщения. Социальная философия обретает статус такой же «первосортной» науки, как и все прочие.

М. Вебер известен как непримиримый критик марксизма, более того, вся его концепция строилась именно как альтернатива марксизму. Однако объективный результат его размышлений скорее подтверждает, чем опровергает марксистский принцип классовости социального познания. Вспомним о том, как высоко ценил Маркс труды классиков английской политической экономии — А. Смита и Д. Рикардо. Они прямо и открыто выражали интересы класса буржуазии. И с каким откровенным презрением он относился к их историческим преемникам, скрывавшим свою ангажированность.

Теперь вернемся к началу статьи. Мною были процитированы две статьи из журнала «Общественные науки и современность». Как я постарался показать, обе статьи чрезвычайно тенденциозны. И та идейная позиция, которая характерна для обеих статей, мною, как ясно из комментариев, не разделяется. Вопрос, однако, не в том, каков характер ангажированности авторов статей, а в другом: можно ли указанные статьи числить по ведомству науки? Отвечают ли они критериям научности? Концепция М. Вебера позволяет дать на этот вопрос вполне конкретный ответ: нет, не отвечают. То, что нам преподносится под видом науки, на самом деле представляет собой обычную апологетику. Почему? Да потому что нарушены элементарные требования научной методологии. Выражаясь словами М. Вебера, и китайцу понятно, что авторы не ставили своей целью доказать, в соответствии с требованиями логики свою правоту. Они не обосновывали истинность своих утверждений, нет, они занимались элементарной софистикой. Их метод — замалчивание существенных обстоятельств, выпячивание на первый план второстепенных деталей и подробностей, односторонняя интерпретация фактов, которые невозможно скрыть или замолчать. Настоящий ученый, а не апологет, так не поступает.

Поэтому можно предложить несколько практических рекомендаций для отличения апологетики от науки.

Рекомендация первая. Прежде всего необходимо поинтересоваться, что говорит автор о своей ангажированности. Если никаких внятных заявлений нет, этот факт должен насторожить. Либо автор не имеет позиции (и тогда его труд никакого научного интереса не представляет), либо автор стремится поправиться всем. Но для того, кто желает быть дамой, приятной во всех отношениях, цели познания лежат вне науки. В обществе, разорванном трещинами классовых антагонизмов и отражающих их несовместимых

идеологий, списать расположение всего научного сообщества невозможно. Впрочем, возможен и такой вариант: автор не декларирует свою идейную позицию из-за недостатка мужества. Придерживаться определенной линии у него хватает решимости, но открыто заявить о ней — нет. Поэтому само по себе отсутствие заявлений о своей партийной принадлежности (я имею в виду, конечно, партии в науке) еще не является достаточным свидетельством того, что перед нами — случай апологетики.

Рекомендация вторая. Необходимо проанализировать, как автор относится к фактам, «невыгодным» для его теории. Настоящий ученый не станет их избегать, напротив, он будет выискивать такие факты и стремиться дать им объяснение с позиций своей концепции. Если же автор приводит только те соображения и факты, которые «работают» на него, то это может означать только одно: перед нами — не наука, а агитация за «единственно верное учение». Таковы, например, теоретические изыскания Ю. Л. Пивоварова, предложившего научному сообществу концепцию «сжатия экономической ойкумены» России²². Критика этой концепции уже дана в литературе²³, поэтому нет смысла вдаваться в ее детали. Основная идея этой «концепции» чрезвычайно проста: северные и дальневосточные территории для России содержать слишком обременительно, поэтому надо «временно» перестать вкладывать государственные средства в их удержание и освоение. Сама по себе такая идея не выходит за границы науки. В науке предметом обсуждения могут быть самые странные идеи, вплоть до безумных. Но научный этиос требует, чтобы автор, дерзающий предлагать научному сообществу какую-то концепцию, анализировал и возможные возражения против нее. И уж совершенно недопустимо игнорирование критических аргументов. У Ю. Л. Пивоварова мы видим и то, и другое. Все его работы выстроены таким образом, что в них не остается места для обсуждения контрдоводов. Так, возникает вполне очевидный вопрос: а как долго будет продолжаться «временное» отступление России с достигнутых позиций? И другой вопрос, еще более интересный: как на такое «сжатие ойкумены» посмотрят соседи, испытывающие острый недостаток территории? Если бы Ю. Л. Пивоваров попытался дать ответ на оба этих само собой разумеющихся вопроса, то его взгляды имели бы шанс оставаться в границах науки, даже если бы их никто не разделял. Но дело обстоит иначе: Ю. Л. Пивоваров такие неудобные для себя вопросы не ставит, более того, он имеет милое обыкновение игнорировать любые критические замечания в свой адрес.

Рекомендация третья. Если автор оперирует большим количеством цифр и статистических данных, следует проявить особую бдительность. С помощью цифрового материала можно глубже раскрыть те или иные социальные тенденции, а можно и исказить их, представить в пугном свете. Для этого апологет выпячивает на первый план несущественные данные и отводит тем самым глаза публики от фактов, имеющих принципиальное значение.

Примером может служить статья Е. М. Авраамовой «Сберегательные установки россиян»²⁴. Статья содержит неимоверное количество цифр, в ней 5 довольно обширных таблиц, словом, соблюден весь научный антураж. Но это именно антураж, потому что автором тщательно обойдены главные вопросы: какие социальные слои в современной России имеют возможность делать сбережения? в каком размере?

Автор мимоходом замечает: «Вполне очевидно, что у большинства терпящих нужду нет сбережений, хотя часть из них имеющиеся небольшие суммы вкладывает в Сбербанк или хранит в виде наличных денег»²⁵. Но ведь без учета того, каково количество этих самых «терпящих нужду», вся картина экономического поведения людей оказывается совершенно искаженной. Автор утопил суть вопроса в потоке цифр и фактов. Да, это не примитивная апологетика в стиле В. Шейниса, статья Е. М. Авраамовой выглядит солидно и респектабельно, по сути, к сожалению, обоих случаях одна.

Рекомендация четвертая. Следует обратить серьезное внимание на язык, которым написана та или иная работа. Ученый, стремящийся к истине, «ищет речи точной и нагой». Он стремится излагать вопрос таким образом, чтобы вопрос стал ясен и самому себе, и его читателям. Конечно, научная работа — не детектив, сделать ее занимательной вряд ли возможно, да и не нужно. Но если язык переусложнен, если глаз с трудом продирается сквозь завалы слов, постоянно натываясь на препятствия в виде длинных-длинных периодов, массы новых терминов, невнятицу и вообще всяческую заумь, то можно с большой долей уверенности предполагать, что перед нами случай, когда ангажированность подавила объективность.

Можно сформулировать еще несколько практических рекомендаций, но этот вопрос потребует отдельной статьи.

Итак, резюмирую.

Ни один обществовед не может избежать ангажированности. Настоящий ученый — не тот, который скрывает свою ангажированность или смущается ею, а тот, кто ее ясно осознает и открыто

декларирует. Доблесть ученого состоит в том, чтобы обосновать истинность сделанного им мировоззренческого выбора. Это обоснование должно происходить во всеоружии методического арсенала науки и в полном соответствии с ее критериями. Тот, кто не способен или не желает защищать свою позицию с поднятым забралом и подгоняет свои доводы под заранее известный результат, — не ученый, а идеолог (агитатор, пропагандист, апологет).

¹Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 79.

²Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

³Эта концепция описана М. Малкесом в книге «Наука и социология знания» (М., 1983). Сжатое изложение концепции М. Малкеса представлено Л. А. Микешиной в книге «Ценностные предпосылки в структуре научного познания» (М.: Изд-во МПГИ им. В. И. Ленина, 1990. С. 57–58).

⁴Микешина Л. А. Указ. соч. С. 58.

⁵Там же. С. 61.

⁶Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 81.

⁷Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 123.

⁸Там же. С. 124.

⁹Там же. С. 111.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 345–415.

¹⁴Там же. С. 346.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. С. 349.

¹⁹Там же. С. 354.

²⁰Там же. С. 355.

²¹Там же. С. 352.

²²См.: Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 63–74; Он же. Мировая урбанизация в России на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 12–22; Он же. Сжатие «экономической ойкумены» России // Свободная мысль. 1997. № 3. С. 68–77; Он же. Урбанизация России в XX век: представления и реальность // «Общественные науки и современность». 2001. № 6. С. 101–113.

²³См.: Лившиц Р. Л. О концепции сжатия экономической ойкумены России // Сибирь на пороге третьего тысячелетия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 1998. С. 109–113; Он же. Удержит ли Россия свои дальневосточные территории? // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы: Материалы регион. науч.-практ. конф. Т. 2: Политика. Гражданское общество. Хабаровск. 2003. С. 19–29.

²⁴Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 27–40.

²⁵Там же. С. 33.